

ЕЛЕНА РОНИНА

Я ПРОСНУЛАСЬ

*в
Риме*

НИКАКИЕ ГРАНИЦЫ
не остановят любви

Елена Ронина
Я проснулась в Риме
Серия «Близкие люди.
Романы Елены Рониной»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65489207
Я проснулась в Риме / Елена Ронина: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155102-5

Аннотация

У Юли Муравьевой обычная жизнь – стабильная работа, родители-пенсионеры и сестра, которая вечно ругается с мужем. Все меняется в один день, когда девушка позволяет себе немного помечтать...

Юля с детства была влюблена в Италию, в Рим. Рабочий корпоратив с итальянским поваром не только меняет жизнь девушки, но и открывает глаза ее окружению – жизнь может быть совершенно другой. Нужно только идти навстречу своим желаниям, своей мечте.

Содержание

Московские адреса	6
= 1 =	6
= 2 =	12
= 3 =	23
= 4 =	30
= 5 =	37
= 6 =	42
= 7 =	49
= 8 =	54
= 9 =	60
= 10 =	65
= 11 =	70
= 12 =	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Елена Ронина

Я проснулась в Риме

© Ронина Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Все совпадения с реальностью случайны,
события и персонажи вымышлены.*

«Все дороги ведут в Рим». Крылатая фраза на века. Она подходит и для будней, и для праздников, и для трагедий в нашей жизни.

Входя в новое тысячелетие, толпы людей потянулись в столицу империи. Уже в середине декабря на улицах Вечно-го города было не протолкнуться, а люди все прибывали и прибывали. Уже негде было селиться, но это не пугало вновь пришедших. Спали прямо на улицах, под платанами, на узких мостовых. Все ждали конца света, а его лучше всего было встретить в Риме. Так говорили монахи, а монахам принято верить.

Страх царил в воздухе. В городе стояла гнетущая тишина, горожане в эти дни предпочитали темные одежды. Что ждет всех в новом 1001 году?

Тридцать первое декабря, с рассветом толпа потянулась к центру города. Ближе к сумеркам появились монахи, беспрестанно читающие молитвы. И вот колокол начал бить две-

надцать ударов. Толпа рухнула на колени, молясь и прося о помощи. Последний удар прозвучал, и воцарилась гнетущая тишина. Никто не мог поверить: неужели они живы?

Наступившее утро первого января 1001 года началось со всеобщего ликования. Никто не думал о том, что ошиблись монахи. О, прекрасная жизнь! Жизнь, дарованная Богом, продолжалась. Как это сладостно и упоительно понимать, что все у тебя впереди. И продолжают жить твои близкие. Тебя защитил Бог, ты можешь опираться на него и дальше. И начался настоящий праздник, где не было бедных и богатых, то была самая искренняя и самая красивая новогодняя история Рима. Каких-то тысячу лет назад.

Московские адреса

= 1 =

Новый год – праздник самый любимый, самый желанный. Для всех. Все и всегда ждут Нового года. От мала до велика. Почему? В детстве ждешь подарков и чуда. В юности – тоже подарков. И какой-то магии. Надеешься, что сбудутся мечты. В молодости – снова подарков. (Да, подарков, если начистоту, ждешь всегда. А еще счастья. Естественно, в виде неземной любви.) В зрелом возрасте ищешь и ждешь стабильности. В старости?

О старости Юля Муравьева еще не задумывалась. Но именно этот Новый год она, наверное, ждала всю свою жизнь. И наконец-то он наступал. 2000 год. Миллениум. В юности Юля часто задумывалась, а какой она будет в 2000 году? Не про то, какая станет жизнь, кто будет ее окружать, а именно про себя.

В 2000 году ей исполнится тридцать шесть лет. Что это за человек в тридцать шесть лет? Она почему-то хорошо представляла себе девушку, допустим, в восемнадцать лет. Или в двадцать пять. И даже женщину, выдавшую виды, в пятьдесят. Но что значит тридцать шесть?

Как только она размышляла на эту тему, ее романтиче-

ским мечтам представлялся темный космос, и там, где-то вдалеке, маленькая фигурка, почти что кукольная. И совершенно не разглядеть: кто, что, какая... И, главное, что окружает. Просто пустота.

В каком-то смысле свое будущее она себе напроорочила. Тот самый темный космос. Не в смысле космоса, а в смысле темного. Еще пара месяцев, и ей исполнится тридцать шесть. Она обычная молодая женщина, ничего особенного, встретишь – не узнаешь. Среднестатистическая. А еще достаточно одинокая. Первая школьная любовь, кроме разочарований, ничего не принесла, таким же неудачным было замужество, настолько короткое, что и вспомнить нечего. Невнятный эпизод. Правда, после него осталась комната в коммуналке. Муж хоть был и неверен своей молодой жене, но оказался на редкость совестлив и справедлив. Ему было как-то очень стыдно от своей неверности, он пытался оправдываться: вот же, наконец полюбил, чем еще больше обижал Юлю. А что же тогда связывало их? Она была уверена, что тоже любовь. Иначе она бы никогда не вышла замуж. Но Юля явно не могла тягаться с дочерью генерала, и не было у нее ворошиловской дачи. Поэтому от комнаты в коммуналке, как компенсации за несостоявшуюся, как ей тогда казалось, жизнь, отказываться не стала.

К родителям возвращаться не хотелось, она за это время привыкла к самостоятельности, да и дома от нее быстро отвыкли. И уж если начистоту, то обратно не сильно-то и звали.

Развод переживала тяжело. Это потом придумала для утешения про невнятный эпизод. А сначала было лихо. И название ему было глухое одиночество, к которому она была совершенно не готова. Ввела она себя в него совершенно самостоятельно. Сегодня она уже понимает, что твоя жизнь интересна только тебе. Другим, возможно, тоже интересно, но на очень короткий промежуток времени. В тот момент легче было заползти улиткой в свой домик, перестать общаться, исключить навязчивые вопросы и не ловить взгляды: мол, а что ты хотела, посмотри на себя.

И откуда мы все умеем читать людские взгляды? А еще лучше – их толковать?! Юля тогда была уверена, что точно умеет.

Нет, ну есть, конечно же, работа. И, наверное, даже хорошая, ее ценят. И вроде как даже без нее не справляются. Особенно это чувствуется при выходе из отпуска. Еще есть семья. На первый взгляд, благополучная московская семья. Мать – врач, отец – назовем его краснодеревщик, хотя можно и просто столяр, но Юля предпочитала краснодеревщика. Сестра. Младшая, проблемная, любимая. А жизнь – она в каждой семье непростая и со своими нюансами. И Юлю она от одиночества никак не спасала.

Родители, выйдя на пенсию, вдруг одним махом поменяли московскую квартиру на загородный коттедж и вот уже два года пытались разводить кур и выращивать картошку. И это ее мать, в прошлом ведущий хирург, вся в поклонниках,

поездках на такси и французских духах.

Лариса Васильевна всегда жила отдельной жизнью, не очень обращая внимание на жизнь мужа-столяра (она его называла табуреточником)... И не особо вникая в жизнь дочерей. Главное, она дочерей родила, что характерно, с разницей в пять лет день в день. Мать девочек нисколько не сомневалась, что этим она сполна выполнила долг перед собой, страной и дочерьми. Возможно, так оно и есть? Все люди разные, у всех свое представление о жизни и о семье.

Любимая младшая сестра была счастьем относительным. Сплошные ходячие неприятности с бесконечными страданиями, к которым относились постоянные мелкие и крупные проблемы и неудачный муж Кирилл.

Да, еще у нее есть ее Леля. Скорее не ее, а Ларисы. По легенде и домыслам самой Юли, Леля была подругой бабушки. Возможно, больше, чем подругой. В семье об этом говорить было не принято. В семье вообще о многом говорить было не принято. Откуда взялась Леля? И почему она, передвигающаяся на инвалидной коляске, живет так зажиточно? Как познакомились родители Юли и почему они практически не разговаривают друг с другом? Что случилось с бабушкой? И почему ее судьба тоже была раз и навсегда запрещена в упоминаниях?

Кто-то скажет, что это просто обычная московская семья, где люди вычеркивали друг друга, а не разбирались в проблемах, и никогда больше не возвращались к этой теме. Ста-

ло быть, так надо. Без рассуждений. Ну вот такая у тебя семья! Семью, как известно, не выбирают. Принимай, что есть.

Выбирают окружение. Тут уж ты хозяйка положения. И если не нравится — сама виновата. Юле не совсем не нравилось. Просто она порой горевала на заданную тему. Одна сплошная работа. Вот там все кипело! А после нее, грустными вечерами, не происходило ровным счетом ничего. Ведь это ее жизнь, а проходит она как у Полины Виардо. «Без страстей и страданий. И уныла, как ночной колпак». Кто сказал? Ее подруга по жизни Жорж Санд. Да. Книжка из детства. Юля не была писаной красавицей, поэтому долго Консуэло была ее героиней. Отсюда и Полина Виардо вошла в жизнь девушки, как пример женщины, которая сделала себя сама. Как хотела, так и жила. А все равно подруге со стороны казалось, что уныло.

И все же семья семьей, но важно, что происходило вокруг. Наконец-то люди начали поднимать головы. Страна пережила странные девяностые, многие тогда себя потеряли, правда, многие и обрели. Все запуталось, все изменилось. И нужно было выпутываться, находить концы, которые потеряли, приспособливаться и начинать или все сначала, или просто сначала, как Юля. Да, она удивлялась, что каждый день глазированный сырок стоил по-разному, но трагедии в этом не видела. Страна стала другой. Но люди остались теми же. И праздники никто не отменял. И Новый год будет в обязательном порядке. Тот, который она всегда ждала с нетерпением.

И встречать они его с сестрой Любой поедут к родителям. И непременно чокнутся шампанским, но перед этим напишут записки с желаниями, успеют поджечь, пепел бросить в бокалы и выпить. И все это нужно успеть сделать под бой курантов. И станет весело и смешно, и раз в году родители с улыбкой посмотрят друг на друга, и будет хохотать Люба, как когда-то в детстве, и Юля подумает – а все же хорошая у меня семья!

Юля завидовала тем, кто говорит, что у них один день похож на другой. Это точно не относилось к ее работе. Каждый день какая-то новая лихорадка. То груз потерялся, то посылку недоукомплектовали, то закон таможенный изменили. Все время что-то нужно было решать, придумывать и выходить из положения. Как говорил Главный: «Зачем я вас тут всех держу? Чтоб вы решали вопросы. Если мне их надо решать самому, я и зарплату вашу сам потрачу!» И ведь потратит. Главный был мужик суровый. Сказал – отрезал. Поэтому с дурацкими вопросами лучше к нему не соваться. Юля и не совалась. Как правило, докладывала уже о результате. А он тоже мог быть разным. Ведь она не волшебник.

- В сроки не укладываемся.
- То есть как?
- Груз задерживается на неделю.
- Это точно?
- Это абсолютно точно.

Главный понимал, что кричать и размахивать руками не нужно. Раз Муравьева сама пришла с докладом, стало быть, исправить ничего нельзя. Но и бóльшей задержки не будет.

– Хорошо, я сам позвоню клиенту, попытаюсь разругать конфликт.

И вот за это Юля Главного уважала. Да, она договарива-

лась с таможенной, но хотя бы не нужно кланяться и извиняться перед клиентами.

Рабочий день начался как обычно. Телефон разрывался, таблицы заполнены наполовину. Работы океан, и его не назовешь Тихим. Еще и очередные неприятности сестры. Полночи уснуть не могла, проснулась с головной болью. Господи, ну почему у Любы вечно все не так? Бабе тридцатник, ума – ноль. Ну, это ладно, это потом. Юля любила свою работу. И за постоянную занятость мыслей тоже.

– Ой! Муравьева! Тебя Юрий Анатольевич искал! Прямо с самого утра!

Ирина скользнула по проходящей мимо Юле взглядом, не отрываясь от карманного зеркальца. Явно своим внешним видом девушка была совершенно удовлетворена. Впрочем, как всегда. Юля в душе слегка позавидовала. И даже не внешности или спокойствию, а такому абсолютному бездействию. Ничего не делает, и никто с нее ничего не требует. Умеют же люди устраиваться.

– Так сейчас же обед!

– Я думала, ты мимо меня в туалет пойдешь, я и передам. Нельзя же целый день терпеть! – Ира надула одну щеку и повернулась к зеркальцу немножко боком.

– Господи, а если там что-то важное?!

– Ну было бы важное, он бы уже дверь открыл и рывкнул.

– На туалет ты, кстати, зря рассчитывала. С этой таможен-

ней можно про все на свете забыть. – Юля попыталась не демонстрировать раздражение.

– Природу не обманешь! – глубокомысленно изрекла Ира. – Рано или поздно ты бы обязательно вспомнила.

Девушка хлопнула зеркальце и развела руками. Действительно. Вот есть же люди с железными нервами. Это их секретарь Ира. Ну разве что вздохнет тяжело. И то исключительно из жалости к людям: какие они все бедные и непонятливые. А еще нервные. Нет, на Иру обижаться нельзя. У нее нужно учиться.

Главный начал с порога:

– О! Муравьева! Где тебя носит? Я тебя с утра ищу. – Юля решила не комментировать. – Про грузы не спрашиваю, раз молчишь, значит, вопросы решаются... – Юрий взял небольшую паузу, давая возможность сотруднице пожаловаться на ситуацию. Юля молча и заинтересованно смотрела на Главного. Ну, стало быть, можно продолжать дальше.

– Так, Муравьева, что у нас с корпоративом?

– А что бы вы хотели, Юрий Анатольевич? – Юля в этом году решила не проявлять инициативу. Не было ни времени, ни желания. В конце концов, свою зарплату она получает за работу логиста.

– Я бы хотел, чтоб он был, – ответил он немного с нажимом.

Понятно. Отвертеться не удастся. Главный привык, что за

«елки» в этом доме отвечает Муравьева. Она про себя вздохнула. Попыталась красиво, как Ира.

– Так будет. У нас же каждый год что-то бывает. У вас есть какие-то конкретные идеи?

– А почему я должен за всех думать?

Ну надо же? И это после того, как прошлый груз она практически выгрызала зубами. С телефоном, можно сказать, спала. И что? Когда ей думать про праздники? Нет уж. Она ответит.

– Мне казалось, у нас в офисе есть секретарь. – Юля произнесла фразу совершенно спокойно и, наверное, тут же пожалела об этом.

Главный побагровел, потом как-то весь надулся, начиная с глаз и заканчивая плечами. Господи, сейчас лопнет! Юле стало не по себе.

– Ты! Ты! – Юрий Анатольевич хватал ртом воздух и не находил нужных возражений. Наконец он выдохнул. – Не думал, Муравьева, что ты такая злая. Ирина еще молода, она учится, а мы ей все помогаем. И она, между прочим, твой товарищ!

Юля подумала: «Или твой?» Но поняла, что и так уже все на сегодня сказала. И кто только ее за язык дергал? Эта бесконечная активность – ее личная инициатива. У нас правда так: один раз себя проявишь, тебе сразу потом на шею сядут. Но ей же нравилось! Все эти стенгазеты, тематические вечеринки. Такая внеклассная работа. А Ирка что? Ирка для

красоты, это понятно.

Да, Юлия Муравьева отвечала в компании «Армаз» за логистику. И, между прочим, делала свою работу грамотно и четко. По слухам, до нее этой работой занимался инженер, которому таможенно определили в нагрузку. Ну не было свободных людей! Да и не понимал толком никто, что с этими грузами нужно делать, как получить, как отправлять. В итоге грузы терялись, улетали в другие страны, растаможивались за какие-то непонятные взятки. Все понимали, что инженер не справляется, но замену ему найти не могли. Да и Юлю Муравьеву нашли совершенно случайно. Специально этой профессии она не училась, но была очень организованной и последовательной в своей работе. Вот и приметил ее в одном НИИ въедливый заместитель Грязева.

После финансово-экономического института Юлия распределилась в научно-исследовательский институт лесной промышленности. Никому не было дела до молодого сотрудника, а девушка никак не могла взять в толк, чем занималась. Хотя, как ей казалось, никто не понимал. Люди слонялись по комнатам, пили чай, обсуждали последние сплетни отдела. Кто, с кем и зачем. На дворе середина девяностых. Экономика уже развалилась, и никто не знал, как ее налаживать. Да и в высших учебных заведениях учили так, что непонятно было, как все эти премудрости применять на практике.

Случай в нашей жизни играет большую роль. Если не главную. Как так получилось, что Маточкин зашел в кабинет начальника планового отдела НИИ именно в тот момент, когда Юля доказательно защищала свою позицию. Девушка говорила тихо, но твердо. Кончик носа покраснел, волосы выбились из конского хвоста, и она постоянно пыталась заправить их за ухо. Было видно, что она нервничает, но отступить не собирается. Начальница жестом пригласила Маточкина зайти, не воспринимая Муравьеву всерьез. А вот Маточкин сразу увидел в ней грамотного сотрудника и цельного человека.

Юля не растерялась и не отступила при виде сутуловатого пожилого блондина, хотя ей было неловко высказывать свои мысли при постороннем. А уж увидеть его на выходе из проходной и вообще стало полным сюрпризом.

– Добрый вечер. Еще раз. – Маточкин старомодно поклонился. – Вы ведь Юлия Андреевна? Так?

– Так. – Если честно, тогда Юлька страшно испугалась. Почему-то ей показалось, что товарищ из органов и она сделала какую-то ошибку. И вот сейчас ее...

– А я – Николай Федорович. Не хотите перейти работать к нам?

– А к вам – это куда?

– Наша фирма занимается продажей комплектующих для компьютеров. Закупаемся в Польше. Продаем на территории нашей страны. Компания «Армаз». Мы как раз ищем сотруд-

ника в отдел логистики.

– А я никогда логистикой не занималась. Это грузы отправлять?

– Да. Именно так. Видите, сразу поняли, о чем речь. У вас получится. Не сомневайтесь.

И вот уже пять лет вместе. Мысли вихрем пронеслись в голове. Издалека донесся голос Грязева:

– Ты чего молчишь? Заболела?

– Почему заболела?

– Я уже пять минут сам с собой разговариваю. Речь тут такую толкнул, а ты смотришь в стену. Кстати, про стену. Чего-то я устал от этого французского пейзажика. Куда ни придеешь, везде одна и та же репродукция над столом руководителя: осень, листочки вихрем и пара под зонтиком, обнявшись, причем спиной к нам. И вот где я эту картину ни видел, всегда спиной! Ну хоть бы уж навстречу шли. Нет! Удаляются. Все! Ну их! Давай что-нибудь купим модное! И чтоб без Эйфелевой башни.

И Главный заискивающе посмотрел на Юльку.

– У нас оригинал.

– Но смысл-то остается.

Да, картины почему-то в офис покупала Юлька, как и карандаши для директора точила. Чтобы было красиво. Она была на редкость организованным, въедливым и при этом очень творческим человеком. Казалось, что левое и правое полушария ее мозга работают одновременно.

Грязев почитывал научные статьи про мозг и работоспособность и вывел собственную теорию про эти самые полушария. А как же иначе? Он с людьми работает, а кадры нынче решают все. Если сотрудник – натура творческая, то обязательно разгильдяй и совершенно не организован. И даже не думай требовать от него выполнения работы в срок. Но прорыв фирмы могут организовать только творцы. А вот усидчивые и системные никакого прорыва никогда не сделают. И все у них по папочкам, и тут же ответ дадут на любой вопрос, и цифры все в голове. Но советам их в плане развития бизнеса лучше не следовать. Нет в них здорового авантюризма, не рискованные они, а бизнес – всегда немного риск. Тут смелость определенная нужна. И все это именно благодаря нашим полушариям, где левое отвечает за логику, обработку полученной информации, систематизирует и выстраивает. А правое как раз отвечает за наши мечты, фантазии. Вот откуда берутся физики и лирики. Все предельно просто. И чтоб физик был еще и лириком: такое случается, но не часто. Юля была тем особенным случаем.

Юрий Анатольевич Грязев мужиком был справедливым и, возможно, даже карандаши замечал, но он понимал, что Юля Муравьева была идеальным сотрудником. И не дай бог с ней расстаться. А может, беременная?! Самое страшное, что можно было себе представить. У него на беременных нюх. Он их прямо чувствовал и сразу начинал готовиться к

замене. Но ведь обидно! Учишь ее, учишь! А она, оказывается, в его фирму кавалеров пришла искать. И потом эти романы на работе. Тот еще геморрой. Нет, Муравьева не такая. Она цельная.

Главный еще раз посмотрел на девушку боковым зрением. Она из тех, кому возраст можно было даже и прибавить. В свои тридцать пять она выглядела ближе к сорока. Высокая и немного угловатая, вечные солдатские ботинки, длинные распущенные волосы, грустный взгляд из-под очков. Но может вдруг расхохотаться, и вот она уже и обворожительная, и милая, с красивой застенчивой улыбкой.

Дураки все же мужики. Почему они не обращают внимания на Юлину улыбку? Чего им в жизни надо? Грязев тяжело вздохнул. Чего-чего? А он сам? У него дома тоже не девушка с душевной улыбкой, а самая настоящая «модель» сидит. Ноги от ушей, прическа волосок к волоску, ногти полметра. И так она его этими ногтями по спине поглаживает. Ух! Юрий Анатольевич поежился и в душе улыбнулся, правда, немного испуганно. Чего греха таить, побаивался он баб. Особенно Ленку свою. Потому и от жены ушел, что Ленку испугался. Ее напора, ревности ее. Понял, лучше развестись, чтоб хуже не было. Марину тогда было жалко. Но она была совершенно не его женщина. Студенческий брак. Он тогда даже к психологу ходил. Разбитная бабенка категорически посоветовала разводиться, именно она тогда сказала: «Мол, студенческий брак, чего вы хотите! Ничего из этого не вы-

ходит по определению». Напоследок предложила себя в новые кандидатуры. И он, позор на его уже лысую голову, воспользовался моментом. Но потом сам себя оправдывал: исключительно с горя. Вот кто-то пьет, а он с бабой переспал. И что? Так потом этой «психологической» и объяснил. Ты ж врач, ты должна понять. Состояние аффекта. И ушел к Ленке. И даже подрастающий Митяй его не остановил. Он с ним и не разводился. Он всегда и с ним, и при нем.

А Ленка – она особо не докучала. Есть и есть. То на маникюре, то в телефоне. Но если они куда идут вместе, то это «ух»! Это только у него так! Он на минуту представил рядом с собой Юлю Муравьеву. Вечно с бумагами в руках и с сосредоточенным взглядом. И еще раз подумал: «Очень хорошая девочка. Просто очень. Нужно найти кавалера».

– Может, что-нибудь тематическое?

Теперь уже Главный очнулся от своих мыслей.

– Вот это очень хорошо. Давай тематическое. Про компьютеры?

– Почему про компьютеры?

– Ну мы же к ним детали продаем.

– Нет. Давайте что-нибудь историческое. Или про путешествия.

– Историческое не надо. А путешествия – хорошо. Куда у нас там народ ездит? Турция! А что? Голубая мечеть. Опять же рынок стамбульский. Что там еще? Босфор!

– Может, лучше Европа?

– Только не предлагай мне про Париж!

– Не буду! Я уже поняла, на Эйфелеву башню вам смотреть осточертело!

– Молодец!

– Я подумаю, можно? – Юля ему беззащитно улыбнулась, и в очках блеснули хитрые зайчики.

– Естественно! – У Главного отпустило от сердца. Не беременная.

И уже взявшись за ручку двери, Юлька обернулась и уверенно произнесла:

– Италия! – Не дожидаясь ответа, она открыла дверь и вышла, не оборачиваясь.

Юля еще немного поворчала для порядка в душе. Тоже мне психолог! Все он видит, все понимает. И почему она должна еще и личную жизнь украшать? Ему? Сотрудникам? Ее дело грузы отправлять, даже карандаши точить она не обязана. Ну а уж про картины и праздники думать она точно не должна. То есть она может, к примеру, нанять фирму. Но как она сама вечно все организует – это совершенно никуда не годится. Хотя... Возможность что-то сделать на тему Италии ей самой показалась безумно интересной.

Прав Грязев. Тысячу раз прав. Юля была необыкновенно творческим человеком по натуре. И карандаши она начала точить, когда увидела красивый настольный набор руководителя с изысканным стаканом. Она согласовала покупку и поняла, что там всегда будут стоять красиво заточенные карандаши. Главный прокашлялся удовлетворенно, ничего не сказал, но она поняла: начальник доволен. Они вместе пять лет. Целых пять лет сложной и интересной работы.

Как говорила ее младшая сестра:

– Сама себе работу ищешь. Вот моя Ксюшка, тоже менеджер, между прочим, как и ты. Пришла, ноги на соседний стул положила, чтоб не затекали, чаю налила, и листай себе журнал, пока кто не позвонит. Позвонит – перенаправила! Или отбрила! Ее все как огня боятся! Вот тебе сотрудники

подарки дарят? А к ней без шоколадки не подойди.

Ксюшка – верная Любина школьная подружка. Сопровождала сестру постоянно... И поминалась к каждому подходящему случаю. Просто эталон!

– Вот-вот, а она эти шоколадки тебе сбегивает.

– Так она же на диете! Она их не жрет!

Но на эту тему с сестрой было нельзя. Табу! Мама категорически не позволяла:

– Ты не понимаешь. Тебе хорошо, ты худая! Любе и без твоих нравочений непросто!

Вот это вот «ты худая», «тебе не понять», «тебе повезло» еще больше выводило Юлю из себя.

Юля всю жизнь боролась с собственным весом. Понимала: она заложница! Заложница генофонда, природы, худой она не может быть по определению. Перед глазами всегда стояли мама и сестра.

Она ни на секунду не забывала о том, сколько в ней ежедневно копится жира, еда для нее была не удовольствием, а вызовом судьбе. В каждом пирожном она видела врага и ненавидела посиделки в гостях.

Есть же люди, которые могут просто так сидеть за накрытым столом и разговаривать. Она не могла. Если перед ней стояла еда, то она должна была ее есть. Если еда убиралась, оставались печенье-орешки и тому подобные вкусные мелочи, которые она, совершенно не замечая, мгновенно отправ-

ляла в рот.

Как-то Юля наткнулась на телепередачу про знаменитых артистов, которые за столиками в уютном кафе вспоминали смешные истории, пели и радовались жизни. Нехитрые закуски были разложены больше для антуража. И все просто разговаривали, а одна очень даже известная актриса жевала, не переставая. Бедная, подумала Юля. Несчастливая женщина. Так она и смотрела потом эту программу, практически не обращая внимания на песни и шутки, глядя на актрису: вот сейчас она все съест, и что? Но сердобольные соседи подставляли ей свои порции. «Наверное, я вот так же смотрюсь со стороны. Стыд и позор». Нет! Юльке нельзя! Перед глазами мама и младшая сестра. Мама – девяносто килограммов. Сестра – сто десять.

Почему-то ее любимейшим из женщин этот астрономический вес вообще никак не мешал. Мама так вообще чувствовала себя неотразимой королевой. А сестра? Она была вечной жертвой. Вот Юльке повезло, а ей, Любане, ни разу...

Причем во всем. Муж достался не из лучших, кто бы сомневался. Хорошо Юле, она своего быстро раскусила и выставила за дверь, а вот Люба раскусила, но характера развестись нет. Юля живет в Кунцеве, и ладно что комната в коммуналке, зато этаж второй, а Люба мается в квартире на пятом этаже в хрущевке без лифта. Работа была вечно не по ней, поэтому Люба гордо с нее уходила. Проживем! Есте-

ственно. Мать всегда подкинет. Даже день рождения, и тот был камнем преткновения.

– Родиться в один день с сестрой! Врагу не пожелаешь! – Так начинался каждый их праздник.

Вообще-то Юлька могла возмутиться. Это же Люба родилась в тот же день на пять лет позже. Нет! Виновата была она. Почему? Потому что старшая?

Мать при этом томно курила сигарету. Она любила вспоминать тот хитрый ход. Лариса Васильевна тогда еще работала хирургом, заведованием, рожала в своей клинике. И поскольку ее опять «кесарили», день можно было выбирать.

– Лариса, какой день для родов назначишь? Выбирай! Все для тебя!

– А давайте на пятницу тринадцатого!

– Опять? Вроде у тебя уже одна именинница есть на эту дату?

– Будут две. Для смеху!

Вот так вся семья и хохотала уже тридцать лет.

Накануне вечером Люба и вовсе выбила старшую сестру из колеи. Юлия заехала как обычно. По средам Любин муж вел курсы по скорочтению. Невероятно предприимчивый человек. И зачем людям читать быстро? Читать нужно медленно, со вкусом.

– И что, кто-то учится?

– А мне какое дело? Кто-то и научится, а заплатят все.

Люба при этом гордо приподнимала брови. Мол, получила? А ты после работы еще и бесплатно стенгазеты рисуешь.

Не обращать внимания. Хотя бы постараться. Среда, вечер – это было их время. Пообщаться... Точнее, поругаться и обидеться друг на друга. И каждый раз Юля думала: зачем я еду? Только настроение портить. Но ехала. Она старшая. И кто еще есть у Любки, кроме нее? Мать вон и вообще в деревню рванула. Были у них светлые и только их посиделки, когда настраивали видео и ставили их любимое «Шла собака по роялю» с дивной музыкой Рыбникова. Залезали с ногами на скрипучий и уютный диван, Юля строго предупреждала: «Никакой колбасы». Люба ворчала: «А тебе бы только настроение испортить». Но дальше шло кино из детства. Про любовь и дружбу. Сестры теснее прижимались друг к другу, а при расставании нежно обнимались.

– Так бы вечером колбасу поела, а из-за тебя на ночь придется.

– Дурында!

Но все это беззлобно. Просто по привычке.

– Мы заложили квартиру на проспекте Мира. У Кирюши новый проект. Срочно нужны деньги.

– Ты с ума сошла? Это же квартира родителей. Их гарантия. Просто записали на тебя!

– Никуда я не сошла. На фига она им сдалась? Вон у них теперь хоромы в деревне. Деньги должны работать! Раз уж

купили. Тоже мне коммерсанты. Сначала мне на квартиру полжизни копили. И что? Надо было додуматься купить эту халупу! Пока подынешься, задохнешься. Сил нету! Слава богу, Кирилл что-то в этом смыслит. Теперь я понимаю, откуда вся моя слабость вечная. Как долезу, так падаю без сил. Вон диван весь продавлен.

– Он от твоих килограммов продавлен.

– А ты не попрекай! Нельзя болезнями попрекать.

– Ой, ладно, не начинай, прошу тебя.

Юля без сил опустилась на стул.

– Любка! Заклинаю тебя! Не делай глупостей! Квартира – это даже не родителей, это твой капитал! При чем здесь Кирилл и его делишки?!

– Не смей так говорить о моем муже!

– А как мне о нем прикажешь говорить? Я расскажу матери!

– Юль, ну ладно! Не говори! Тут делов-то на пару месяцев! Они даже не узнают! Киря провернет все так, что никто и не поймет. Пожалей родителей! Сколько им лет! Зачем их волновать?

Весь вечер Юля порывалась позвонить матери. Отец никогда и ничего не решал. Как Ларочка скажет, вечная его присказка. Все же решила не звонить. Но все думала, правильно ли? Только мать могла совладать с Любаней. При всей ее любви к дочери в характере Ларисы Васильевны бы-

ло стукнуть по столу тяжелым кулаком: «Я сказала! Все! Все заткнулись!» И Люба затыкалась в момент. Но, может, действительно не мельтешить? Всего-то пара месяцев.

Воскресенье – Лелин день. Леля жила в старом доме, непонятно какого года постройки, в Афанасьевском переулке. Обычно Юля ехала до станции метро Кропоткинская, дальше неторопливо шла по Гоголевскому бульвару. Любимый московский бульвар. Причем раньше о нем и не догадывалась. Станция Кропоткинская связывалась либо с бассейном Москва, где проходили уроки физкультуры практически у всех московских школьников, либо с Пушкинским музеем. А вот при появлении в ее жизни Лели дорога пошла в другую сторону от метро, по тому самому Гоголевскому бульвару.

Неторопливая жизнь Московского бульварного центра: голуби, шахматисты на лавочке, а рядом несколько застывших пенсионеров, смотрящих на шахматную доску. Если у Юли было время, она тоже останавливалась. Девушка ничего не понимала в шахматах, но ей было интересно, сколько времени можно было вот так вот неподвижно смотреть хором в одну точку. Как правило, свой пост наблюдателя держала до следующего хода. Вся компания удовлетворенно меняла позу, чтоб застыть еще минут на десять. И Юля с чувством выполненного долга шла дальше. Переходила дорогу на уровне Сивцева Вражка и оттуда вверх, а потом направо, уже по Афанасьевскому. Можно, конечно, было доехать до Смолен-

ской, перейти шумный Арбат с вечно звенящим троллейбусом, пройтись вдоль него. Но лучше этой дорогой идти уже от Лели. Когда никуда не торопишься и можно даже заскочить в любимый магазин «Самоцветы». Покупать ничего не обязательно. Просто посмотреть. Но на это требуется время, и немало, магазин растянулся на весь длинный особняк. Столько времени по дороге туда у Юли не было. Опаздывать нельзя. У Лели все по часам. В 12.30 обед, потом небольшой отдых. Юля должна приехать ровно к двум часам. В это время на два часа уйдет сиделка, и это будет время только их разговоров. Раз в месяц – и всего два часа. Так продолжалось последние семь лет. Юля уже привыкала и даже свои отпуска подгадывала под эти воскресенья. Ей почему-то казалось, что Леле это очень важно. А ей самой? И ей тоже. Конечно.

Дверь открыла Ева:

– Добрый день. Проходите, Юлия. – Как всегда. Как все эти семь лет. Та же Ева. И на «вы». И ни слова больше. Никаких вопросов и рассказов. И со стороны Юли тоже ни вопросов, ни рассказов.

– Здравствуйте, Ева.

– Элеонора Александровна вас ждет.

Лея уже восседала в своем кресле. Красиво уложенные, совершенно белые волосы, длинная юбка, домашняя кофта в китайском стиле, премудрая брошь в виде птицы-феникс. Сколько же этих кофт у Лели? Как-то Юля пыталась подсчи-

тать, но ничего не получалось. То ей казалось, что вот эту, цвета бордо, она уже на ней видела. И вдруг в ходе разговора понимала. Та же была с вышивкой в виде павлинов. А на этой попугаи. Вышивка – да. Тон в тон. Кофта бордо и вышивка бордо.

Сколько лет Леле, она тоже не знала. Спрашивать было неудобно, а мать как-то обмолвилась:

– Свой возраст старая ведьма унесет с собой в могилу.

Лариса недолюбливала Лелю. Сама же к ней дочь отправила со словами: «Нужна помощь». Каждый раз ждала рассказа, как Юля сходила к пожилой женщине, и каждый раз злилась. Девушка чувствовала сердцем какую-то ревность, недосказанность, но вопросов матери не задавала, бессмысленно. Опять эти семейные тайны.

Когда-то Леля произнесла фразу, которая потом стала девизом их отношений:

– Как-то это неловко.

И вот это «неловко» стало для Юли барьером. Прежде чем что-то сделать, она задумывалась: «А насколько это ловко?» И получалось, что скорее всего все-таки неловко. А мать просто сказала: «Не спрашивай. Слишком тут все запутано. Ходишь, нравится, и ладно». С матерью спорить было бесполезно. Вот ведь характер. И как только отец с ней живет?

– Проходи, дорогая. Я тебя ждала.

Юля подошла к Леле и поцеловала напудренную щеку.

Леля неизменной палкой с красивым набалдашником указала на кресло рядом. Этот жест был тоже из веков их дружбы. Можно подумать, что Юля могла сесть куда-то в другое место. И только провалившись в старинное вольтеровское кресло, Юля успокаивалась. Заботы, тревоги, какие-то непонятные беды казались никчемными, сиюминутными. Как хорошо, что есть Леля, и эти ее духи, сладковатые и такие изысканно-дорогие, и гребень в волосах, и неизменная брошка. Да, у нее есть Леля. И это и есть ее самая настоящая семья. Почему в этом доме она себя чувствовала так комфортно? Ей хотелось быть здесь своей. Хотя Юля понимала, что это совершенно не ее жизнь, она выросла в другой семье. Ее родители, по большому счету, были простыми людьми. Мать всю жизнь билась за место под солнцем и в итоге выбилась. А отец и не бился. Такой, какой есть. Тихий, скромный, работающий. И никакой не табуреточник. Юля всегда обижалась за отца. Да, деревенский, но человек большой внутренней культуры. А вот у Лели все по-другому: порода, гены. Юля не могла подобрать точное определение. Но пожилая женщина вызывала восхищение.

– Рассказывай, какие новости.

Юле захотелось рассказать про Италию. И про этот ее финт с вечеринкой, за который еще придется расплачиваться. Почему в голову вдруг пришла Италия? Потому что Юля в душе была итальянкой. Очень глубоко в душе. Снаружи

ни за что не догадаться. Это было ее тайной. Она никому ее не доверяла, хранила за семью замками, но Италия была ее страстью. Началось все с книги «Спартак», вовремя подсунутой отцом. В их семье читали все, но книги были разными. От мамы она получала «Овод», от отца – «Таис Афинскую». Бесконечное соперничество между матерью и отцом выражалось даже в книгах, которые они давали читать дочерям. Юлька жалела отца всю жизнь и поэтому даже в выбор его книг проникала глубже, чем в мамин. «Спартак» поразил ее воображение, и она уже целенаправленно брала книги в библиотеке про античный Рим, про бои гладиаторов, представляла себе мощный мир Колизея.

И совсем намертво сражена была девочка балетом «Спартак» в Большом. Ходили втроем. Сестры и мама. Ларисе Васильевне достали три билета благодарные пациенты. Она тогда даже сделала реверанс в сторону мужа:

– Хочешь?

– Что ты, Ларочка, сходи ты с девочками. Что я в этом балете понимаю?

В этом был весь отец. Отойти в сторону, не обижаться, радоваться за других. Мать воспринимала такое отношение как должное, никак не реагируя и особо не благодаря.

Восторг Юли был неопишуем. Мощный оркестр, колесница, надвигающаяся из глубины сцены на зрителей, и Красс с высоко поднятой рукой.

– Папа, колесница, оказывается, не двигалась! Это все му-

зыка. И его взгляд! Гордый! Самодовольный!

– А Спартак?

– Тоже гордый. И очень сильный. Какие люди раньше жили!

– Они и сейчас есть.

– Но, знаешь, Красс мне тоже понравился.

Потом был фильм «Плащ Казановы», наконец-то мечта становится реальностью, когда-нибудь и она поедет в Италию. Юля с удовольствием читала об Италии, пересматривала фильмы с Софи Лорен и Джульеттой Мазиной, естественно, заслушивалась Челентано.

– Он же на обезьяну похож! – удивлялась Люба, но Юля ее мнений не разделяла. Для нее певец был эталоном мужчины и мужской красоты. Да, сестра была права, действительно было что-то животное в этом харизматичном человеке. Но скорее от кошки. Или даже от пантеры. Это же надо так двигаться и так петь.

– Леля, а что ты скажешь про фильм «Плащ Казановы»?

– С чего это ты об этом заговорила? Влюбилась?

– Нет! – рассмеялась Юля. – Вечеринку устраиваю, итальянскую!

– Ну тогда лучше пересмотри «Римские каникулы». Да, про «Плащ Казановы». Мне нравится этот фильм, но я бы на него в своей жизни не опиралась. Я не люблю растерян-

ных женщин. А тут героиня не просто растерялась. Она в какой-то момент потеряла себя. Потеряла лицо. Запомни, девочка, очень важно всегда сохранять лицо. Что бы ни произошло. А вот в «Римских каникулах» как раз про это.

– Ну так там же принцесса!

– Кто тебе запрещает вести себя как принцесса? Учись и следуй!

– Как ты?

– А похоже?

– Более чем!

– Ты мне сделала огромный комплимент.

В дверях уже покашливала Ева.

– Ну давай прощаться. Но как ж интересно про вечеринку. Жду подробностей!

Дни бежали своим чередом. Известий от Любы не было. Юля решила сама сестре не звонить и заставляла себя не думать.

Это совершенно не ее жизнь и не ее ответственность. А вот про новогоднюю вечеринку думать нужно было уже всю.

Это только кажется, что до Нового года еще месяц, но по большому счету времени нет. Тем более в конце декабря всегда аврал, все как с цепи срываются, срочные грузы в оба конца, задолженности, ответственность перед клиентами, правильно заполненные документы. В это время компанию трясет и колотит. Главный ни разу еще корпоратив не отменил. И как правило, двадцать пятого декабря, аккуратно в католическое Рождество, компания садилась за накрытый стол. И здесь было два условия. Никаких ресторанов и никаких аниматоров. Все должно быть искренне, душевно и не вымученно.

Да, для Юрия Анатольевича было важно и праздник отметить, и на коллектив свежим взглядом посмотреть. А где человек раскрывается? Так за праздничными тостами! Особенно после третьего бокала! Да и расслабиться нужно людям. Работа не отдых, сил много забирает. И хотелось Гря-

зеву, чтобы праздники их были особенными, запоминающимися.

К сожалению, чувство меры и вкуса присутствует не у всех. Вкус – это врожденное. Можно приобрести стиль. Научиться. И Грязев учился, он понимал, что у него со вкусом тоже было не очень. А у кого из их фирмы было очень? Как это ни странно, именно у Муравьевой. Вот и не красавица, и ходит в этих своих ботинках, и вроде все у нее просто и невзрачно. Но всегда уместна. Не придерешься. Никогда своим внешним видом не подведет ни на переговорах, ни на банкете после.

А вот глаз радовала секретарша Ира. И одевалась по-деревенски вызывающе, и стыдно порой за нее было. Но хороша! Это ж надо было уродиться такой красивой. И потому Ири-не многое прощалось. Вечно все перепутает, вечно самому все нужно перепроверять. Ну и ладно! Тоже мне, директора он из себя, видите ли, изображает. Не из графьев! Это как кровать за собой застелить. Встал, прибрался и пошел! Начинаем с себя!

Ну отправила Маточкина Ирина в прошлый раз в Домодедово вместо Шереметьева. Так сколько лет Маточкину? Сорок пять? Он что, не читает, что на билетах написано? Позор! Правда, он тогда опоздал на рейс, а дальше на переговоры. В Уфе в итоге разразился скандал, и они чуть было не потеряли партнеров. Но ведь уладили же вопрос!

А секретарша потом так рыдала, так винилась! Слеза са-

мого прошибала. Ира сидела в кабинете у Грязева, он наливал ей воды из графина, она пила мелкими глотками и так шумно вздыхала, что Главный ей за эти вздохи был готов простить все. Ну это ж надо было уродиться такой томной и роскошной. Рубенс с Ренуаром вместе рисовали бы только ее.

Как-то он имел неосторожность упомянуть художников при Юле. Он видел в Муравьевой соратника. Ну кому еще расскажешь про Иркину красоту? Не Маточкину же. Страшно даже представить. А так вроде как он ценитель прекрасного, и только.

– Это из разных эпох, – сдержанно произнесла Муравьева.

– Так сам знаю! – соврал Юрий Анатольевич. – Так если объединить!

– И стили разные. Их лучше не объединять. Хотя... – Юля задумалась. – Вы знаете, я с вами соглашусь. В Ире есть рубенсовская порочность и ренуаровская нежность.

– Вот видишь! – Про порочность он решил не уточнять, но и сам видел, что мужики задерживаются у стойки секретаря. Как только Ира пришла к ним на работу, менеджеры практически перестали опаздывать, приходили бодро ко времени, и даже все как будто подтянулись. Ни тебе мятых рубашек, ни грязных ботинок.

– От что баба может сделать! И всего-то в ней восемнадцать лет. И молчит больше! Просто смотрит!

– Молчит, потому что не знает, что сказать, – шипел ему

в ухо Маточкин. Ясное дело, это же ему пришлось на перекладных добираться с чемоданом из одного аэропорта в другой, в итоге ночевать на стуле в Шереметьево, а потом по приезде кланяться перед клиентами, улыбаться, извиняться, еще и цены опускать.

В тот раз из командировки он вернулся злой как сволочь, влетел в кабинет Главного без стука, пройдя мимо Ирины, как мимо пустого места. Юрий Анатольевич, мгновенно оценив ситуацию, выскочил из-за стола:

– Николай, герой! Ну ты герой! Уже из Уфы позвонили. Тебе личное спасибо! А чего ты прибежал? Поезжай домой! Отдохни! Завтра уж на работу! Нет, раз приехал, расскажи все подробно. – Он выглянул в коридор: – Ира, чаю Николаю Федоровичу. Да свежего завари, в чайнике! И выкинь ты эти пакетики. Мусор в них один! И конфеты! Ты купила конфеты? Вот!

Он усадил Маточкина на диванчик рядом с журнальным столиком:

– Понимаешь, пакетики в чай кладет. Стыдно перед клиентами. Вот что значит молодая, неопытная.

Маточкин аж рот открыл. То есть, ясное дело, он пришел с явным намерением заявить ультиматум: или он, или Ирина. Мол, дня больше на фирме не останется. А Грязев продолжал рассыпаться в комплиментах:

– Ну ты герой! Слушай, с ценами мы разберемся. И молодец, что сразу сориентировался. Заработаем на количестве.

И скидку они эту заслужили. Зато получился хороший разговор у вас. И главное, как раз вернулся директор из отпуска. Ты же с замом хотел вопрос решать. А что бы он решил? Как говорится, не было бы счастья. Этот день нам только помог.

– Юра... – опять нацелился Маточкин. – Но это же недопустимо! Это же лицо офиса.

Тут как раз в кабинет вплыла Ира. Рост сто восемьдесят пять, грудь пятого размера, зубов во рту в два раза больше положенных, судя по ослепительной улыбке. Колыхая внушительными формами, она прошла неторопливо мимо Маточкина и переставила чашечки с конфетницей с жесткого подноса на журнальный столик. А дальше, сунув поднос подмышку и скрестив ручки на груди, произнесла:

– Простите меня, миленький!

– Иди, Ира, иди! – вытолкал ее Главный.

– Лицо что надо. А фигура! А формы! А главное, мы теперь знаем, что от нее ждать!

– Да уж, главное – это ничего ей не поручать.

– Чай пробуй. Нормально?

– Вот пусть чай заваривает!

Семья у Грязева была простецкой. Какой там вкус? О чем вы говорите? Понял это Юра не сразу, а вникнув, оглядываясь по сторонам, обвинять никого не стал, а принялся на-верстывать упущенное. Его спутниками стали пытливый ум, прекрасные учителя в вузе и книги.

Он присматривался, приглядывался, нанимал себе репетиторов, благо это стало модным среди людей его круга, а еще старался вращаться среди интеллигентных и образованных людей. Запрещал себе думать, что он другой, и этим самым образованным и интеллигентным может быть с ним неинтересно. В конце концов, он создал устойчивый бизнес, сумел пережить дефолт. Он уважал себя сам, люди это чувствовали и тянулись к нему.

Безвкусицу он чувствовал издалека. Когда партнеры закатывали вечеринки в дорогих отелях Подмосковья, а то и в Турции и приглашали туда коллег, чтобы продемонстрировать размах, то больше видел в этом ужасный кич, понимал, что так нельзя. А как нужно? Он не знал. Но тоже хотел. Чтобы было красиво и изысканно. Не обязательно дорого, но стильно.

И вдруг в компанию пришла Юля. Спасибо Маточкину. Юля Муравьева вдохнула жизнь в их рутинный и повседневный быт. Именно тогда Грязев усомнился в теории про левое

и правое полушарие. Наверное, это огромная редкость, когда творческий человек одновременно может быть собранным и организованным. В его практике таких не встречалось во-все. Если сотрудник был прекрасно организован, и это на по-верку хороший администратор, то он никогда не мог придум-ать что-то новое. Ход истории разворачивает человек твор-ческий, но обычно он «безбашенный», совершенно бесша-башный. Может и подвести, и забыть, но иногда его гениаль-ные идеи могут спасти ситуацию, и в мозговых штурмах идеи таких людей бесценны. Именно такие люди двигают компа-нию вперед. Вот где таких найти?

Грязев достаточно быстро понял, как повезло ему с Му-равьевой. Несказанно повезло. И работу делала на совесть, и советы ее по бизнесу всегда были дельными и какими-то свежими. А еще и выдумки на творческие идеи хватало. При этом была в ней какая-то внутренняя культура. Тонкость, чу-ть на изысканность.

– Ты, Муравьева, из чьих будешь? – как-то, не выдержав, спросил директор.

– Из обычных. Самых что ни на есть рабоче-крестьян-ских.

– Так не бывает, – задумчиво произнес Грязев. – Так про-сто не может быть. Ты, Муравьева, порой глубже. Ты ж у нас аналитик. Ну сама посуди, у тебя есть особенный вкус к пре-красному. От кухарок такое не передается. Кто-то у тебя в роду точно был. Из этих, из бывших.

Юля тогда даже задумалась. И даже матери этот вопрос передала. Та, как обычно, не особенно вникая, отрезала:

– Дурак твой Грязев. Но хочет за умного сойти. Вот видишь, и ты уже засомневалась.

– Хорошо тебе, ты никогда не сомневаешься.

– Отчего ж, тоже случается.

Тот разговор произошел, когда директор уже к Муравьевой присмотрелся.

Первую стенгазету Юля выпустила к мужскому дню. Недели за две до события женская часть фирмы начала массированную подготовку. Сначала всех мужиков дружно фотографировали, потом девицы с хохотом запирались в переговорке, и как итог получился грандиозный праздник. С праздничным тортом, который собственноручно испекла завскладом Клавдия Семеновна, шампанским и веселыми пожеланиями для каждого сотрудника. А красочная стенгазета еще долго висела на центральном месте. И кстати, она понравилась не только мужчинам компании, они там были изображены в виде греческих богов (кому ж такое не понравится), но и их гостям. И это был один из пиар-ходов, которым Грязев с удовольствием пользовался. Зарубежные партнеры видели стабильную и сплоченную команду, российские клиенты могли надеяться на порядочность и человечность. Выходит, они как боги работают, глядишь, не обманут, не подведут.

У Юли Муравьевой действительно получалось организовать интересные и очень индивидуальные мероприятия. Ни с какими аниматорами не сравнить.

На праздники к партнерам Грязев всегда ходил с женой и приглашал с собой пару сотрудников. Маточкин, как правило, не мог, семья, а вот главный менеджер Антон всегда был рядом. По дороге на торжество Грязев напоминал:

– Это вам не отдых. Это работа. Смотрите, подмечайте, запоминайте. А то, понимаешь, объемы у них. Вот почему у них есть, а у нас нет?

– Потому что Сидихин вкладывается.

– Ишь ты, а я, значит, не вкладываюсь.

– Юрий Анатольевич, у вас просто столько нет. – Антон был прост, как правда. Грязев вздохнул. Уж сколько есть. А с другой стороны, его такая ниша вполне устраивала. Вот от Сидихина проверки не вылезали, одни уходят, другие приходят. Мать в Испании, жена в Голландии. Постоянно что-то прячет, юристка все документы в портфеле носит. Это что за жизнь? Да уж, деньги сегодня зарабатываются тяжело. Одни нервы. А у нас еще страна такая и менталитет народный. Кто честно работает сегодня? Да никто! Завтра что будет? Никто не знает. Значит, нужно зарабатывать сегодня. И чтоб на все хватило. И на всех.

Прав Антон, у Грязева столько нет. Ни на бизнес, ни на праздники. А Сидихин, притом что деньги считал очень

хорошо, на праздниках не экономил. Корпоративы закатывал умопомрачительные и приглашал всех, чтоб подивились. Или позавидовали.

Юбилей фирмы Сидихин праздновал в четырехзвездочном пансионате Подмосковья. Тогда только пришла на работу Юлия. Грязев пригласил и ее в компанию сопровождения.

Как всегда, все было дорого и богато. И на редкость безвкусно. Единственное, что в этом празднике было достойным – его жена Ленка. Ведь тоже из простой семьи. Вообще из Сибири приехала, а вот подишь ты. Умеет она быть и светской, и элегантной, и стильной. Естественной – это нет. Ни с кем не общается, смотрит свысока, ну и ладно. Это уж он много хочет. В жизни всегда нужно выбирать. Вот Марина была очень естественной. Всем и каждому рассказывала про бедность, про нищету и про его сволочный характер. Люди на него смотрели с жалостью. А теперь? Теперь с завистью! И Грязеву было приятно.

Девушки из компании Сидихина тогда превзошли себя (Ленку-то, конечно, нет, ясное дело). Небось полгода на фирме никто не работал, новые платья шили. Нет, ну откуда все ж у этого Сидихина такие обороты? И бабы вон одна дурнее другой, и работать им некогда... Основной цвет нарядов был красный и розовый. Перья и кружева соревновались с декольте и разрезами. К слову, его Ленка была в простом белом платье чуть выше колена. Вырез лодочкой, рукава по ло-

коть. И все! И королева! И ведь угадала! Не стала, к примеру, черное надевать или там что-то в цветочек. Ну умница же.

Самого Сидихина они встретили, выходя из лифта по направлению к банкетному залу. Сидихин в пестрой рубашке, джинсах и подозрительно потертых штиблетах бежал навстречу.

– О! Юрка! Давай в зал. Ваши места вам покажут. Ленка. Ты, как всегда, неожиданна.

Ленка криво улыбнулась.

– Егор, а ты куда? Переодеться? – Ленка слегка толкнула мужа локтем в бок.

– Ну ты даешь! Ты видишь ботинки? Аллигатор! Специально для этого вечера покупал.

– Ой, да, ботинки сразу заметил. Тоже неожиданные. Нет, это я так. – Грязев не знал, как выйти из ситуации. – Просто я ж в костюме. Надо было тоже в чем-то не таком праздничном. – Ленка толкнула в бок еще сильнее.

Выручила Юля, которая стояла рядом.

– Егор Гаврилович, все правильно. Вы же хозяин. И ваш дорогой образ должен считываться, но не ставить гостей в неудобное положение. Не у всех же есть смокинги. А гости безусловно все нарядились, уважение к хозяину.

Молодец все ж Муравьева. Ленка – зараза. Ведь тоже все это могла преподнести. Но молчит как рыба. Грязев незаметно протер взмокшую шею за воротником и благодарно улыбнулся Юльке. А вот Муравьева могла бы и нарядиться. Ах да,

ботинки заменены на туфли без каблука, обычные джинсы на черные брюки и цветная рубашка на белую. Все остальное – то же. Но смотрится вроде неплохо.

Сидихину Юлин комплимент более чем понравился, он радостно расхохотался:

– Ну давайте, давайте, там сегодня такое! Денег потратил – чугунный мост.

Дамы Грязева улыбнулись. Ленка криво, Юлька вежливо. Ну уж как умеют.

Столы ломились от закусок, сотрудники ждали шефа, девушки – в бальном, мужики кто в чем, и томно переговаривались.

Между столиками бегал молодой человек в светлом костюме с микрофоном.

– Наливаем! Наливаем! Не стесняемся. Какой же праздник на трезвую голову! Наливаем и благодарим вашего шефа. Вот сколько веду корпоративов, такой щедрости не наблюдал! Предлагаю тост за Егора Гавриловича! Ура, господа!

После того праздника Грязев вызвал Юлю для разговора:

– Муравьева, слушай сюда! Нам как у Сидихина не надо. Только в офисе, никаких выездов, без всяких нарядов. Нам же нужно командный дух поднимать, а не кошельки сотрудников опустошать.

– А вы хотите деньги с нас собирать? – Юля тщательно записывала всю информацию в красивый блокнотик. Грязев отметил: вот даже блокнотик у нее особенный. Мелочь, а ему смотреть приятно.

– Я про платья.

– Ну это не про нас. Клавдия Семеновна все у дочки берет, а у Ирины наверняка есть.

– Вот, кстати, про Ирину, – оживился Грязев. – Ей можно поручить заказать воду.

– И все?

– Остальное ты, Муравьева. Ну если у тебя голова варит! Ну организуй что-нибудь веселенькое.

И Юлька организовывала.

Первый такой праздник она посвятила Шерлоку Холмсу. Подумалось, что все в детстве читали про пляшущих человечков. Попросила заранее перечитать всю серию, быть готовым к викторинам, обязательно выбрать рассказ, который захочется защитить. И назвала вечеринку – мы не пляшущие

человечки!

– Муравьева, это прямо какой-то вызов!

– Крик души! Моя любимая книжка из детства «Спартак»! – Юля поняла, что с шутками на этот раз переборщила. – Да не волнуйтесь, Юрий Анатольевич! Революций устраивать не будем!

Революцию не устроили, но потом еще долго все друг друга называли не иначе как пляшущими человечками.

Та вечеринка удалась. Вот правда! Юля сама испытала чувство удовлетворения. Впервые собрались полным составом, всем было любопытно, что будет. Конан-Дойля тоже перечитали все. Вместе разгадывали тайны и монограммы, по ролям читали рассказы, главным шпионом оказался Грязев. Это был грандиозный вечер!

Вторую вечеринку посвятили кино. И тоже все прошло на ура.

И вот она вслух произнесла «Италия». И как-то к теме нужно было подступить красиво и необычно. А ведь основной работы у Юльки было хоть отбавляй, причем она требовала большой сосредоточенности и внимания. В обязанности логиста вменялось отправлять грузы из-за границы, принимать их здесь. То есть сначала следить, чтобы отдел продаж сделал правильный заказ, потом чтобы братья славяне этот заказ правильно сформировали у себя в стране, снабдили груз соответствующими документами. Но... Тут следи не следи, но все равно не уследишь. Обязательно и практи-

чески всегда груз был сформирован некорректно.

Может, с той стороны сидит провокатор? Не раз такое приходило Юле в голову. Неужели так сложно пересчитать детали и положить их в коробку?! То есть понятно, что такие коробки отправлялись из Польши во все страны мира. Но это же просто техническая работа. Вот бы посмотреть хоть раз на их кладовщика. То есть она знала, что ее зовут Ванда. Может, она влюблена? Или, наоборот, мать семерых детей? Но как так можно? Ошибаться всегда! Не просто раз в год, а в каждой посылке. Ванда могла! Легко! Не было еще случая, чтобы накладная совпадала с содержимым. А если таможенный досмотр? И начиналась волокита. Бумаги туда, бумаги обратно. И нужно доказывать, что ты не верблюд, и никакой это не отмыв денег и не уход от налогов, это просто Ванда. Непутевая и несобранная Ванда. Муравьева вступала в переписку и переговоры. Маркировки, сертификаты и прочее.

С российской стороны товар должен был иметь соответствующие лицензии, которые периодически заканчивались. В обязанности Юлии Муравьевой было за этим следить, продлевать, делать новые. А это тоже куча документов и инструкций. И это только одна сторона работы. После прихода товара на склад и попадания в нежные руки Клавдии Семеновны груз переформировывался и шел дальше по всей территории бывшего Советского Союза.

Юля любила цифры и графики. С детства ей нравилось считать. Складывать и вычитать. Сразу правильно научилась

выговаривать трехзначные цифры и особенно их склонять. И не выносила, когда собеседник говорил: ну нет у меня триста календарей. Она всегда тихо поправляла: Трехсот.

– Чего?

– Трехсот календарей. Так будет по-русски.

Она вообще-то была не конфликтной. Но здесь стояла на своем до конца. Все на фирме уже знали этот ее пунктик, и когда на переговорах вдруг кто-то из важных клиентов, особенно руководитель дружественной компании, вдруг изрекал:

– Давайте договоримся на шестьдесят.

Муравьеву сразу опережал сам Грязев:

– На шестидесяти пяти. И по рукам.

Все же поправить человека тоже нужно уметь. И лучше, чтобы это сделал равный ему по положению человек, непринужденно и не указывая ему на ошибку, а в своем ответе сказав цифру верно.

А Юля даже жизненные ситуации, если что-то вдруг не складывалось в ее голове, облекала в схемы. Нарисовав стрелочками и квадратиками историю, она сразу видела, что и куда должно идти, чтобы в итоге вышел достойный финал.

Правда, финал получался на бумаге, и ситуации жизненные она расписывала не свои, а чужие. Вот только кто ее советами пользовался? На работе – это да. А вот в жизни...

Девушка была замкнутой по натуре. Ей было интереснее

с книгами и таблицами. Им она могла довериться. А вот людям?

Долгое время она самым близким человеком считала отца. Но с возрастом все меньше понимала его. Его и их отношения с матерью. Как случилось, что они вместе? Зачем? И вроде конфликтов в семье не было. Просто каждый шел своей дорогой: только не в разные стороны, а параллельно. И между ними, по не очень удобной колее, бежали две девочки. У которых все было, да еще и мама с папой. Но все как-то очень отдельно, не было того «вместе», что Юля встречала в семьях подруг. Сравнивала и горевала по этому поводу. А еще горевала из-за отца. Ей казалось, что он глубоко несчастлив.

Они встретились поздно. Обоим было уже под тридцать. Лариса к тому времени наконец-то закончила медицинский институт и работала по распределению в небольшой больнице Тульской губернии. Целая, уверенная в себе, Лариса шла вперед танком. Хирург – это было про нее. Обычно молодые интерны годами ждут, пока их подпустят к столу. Лариса встала сразу. И ей невозможно было отказать, перед ее напором нельзя было устоять, она была настолько всегда уверена в результате, практически не ошибалась, что вопросов к молодому доктору не возникало. Особенно в условиях районной больницы, когда все дефицит, включая бинты и йод.

Она тогда не просто оперировала, она ехала в центр, стучала кулаком по столу, требовала и добивалась. Причем только потом уже народ задумывался, а кто эта девчонка? И почему именно ей пошли навстречу? Лариса всегда была очень убедительна своей внутренней силой. Была в ней какая-то энергия, и люди чувствовали ее правду. Знали: раз просит, то обязательно на дело.

Крепко сбитая, невысокая, с широким лицом, нос картошкой, еще и очки, она все равно пользовалась успехом у мужского населения. Только вот в Москве ей было некогда, она училась. Медицина была всегда мечтой, да и матери в

свое время пообещала: «Вот увидишь! Будет у нас в семье настоящий врач». Да не просто так, а только хирург! Лариса эту специальность выгрызала из жизни. Не очень уж способная к урокам, и не так чтобы память была идеальной. То, что другие выучивали «левой ногой», ей приходилось зубрить и зубрить неделями. Зато оставалось на века.

Так часто случается, что те, кому легко дается учеба, по жизни особых успехов не добиваются. Они полагаются на способности, не очень-то усердствуют, а иногда и вовсе отпускают ситуацию. Уверены, само собой все срастется. И в какой-то момент тот, кто «брал задницей», вдруг вырывался вперед. Трудяги не ждали милости от природы. Они привыкли трудиться, упорные по жизни, они часто обгоняли талантливых.

Поем оды трудягам! Лариса была трудягой. И ничего не боялась.

С первым мужчиной переспала на летней практике. Просто поняла, что кавалеров что-то под рукой не наблюдается, а в медицине все просто. Роман закрутился на дежурстве. Доктор, много старше Ларисы, можно сказать, влюбился в девушку. Очень уж импонировала пожилому врачу эта ее легкость и решительность. И то, что сразу пошла навстречу, не строила из себя недотрогу. А еще больше доктор удивился, что стал для Ларисы первым. Так удивился, что готов был уйти от жены. Просто крышу снесло.

А Ларисе был важен сам факт. Ее полюбили, ради нее готовы были совершить поступок. Ей доктор нравился, но не так чтобы очень. Замуж за него она уж точно не собиралась. И даже дело было не в семье доктора. Просто Ларисе он был совершенно не нужен. Ей тогда было не до любви. Она стояла на операциях рядом с хирургом, но старалась параллельно принимать решения сама, а вдруг завтра первым хирургом станет она?

Эта ответственность съедала все силы. Тяжеленный груз – чувствовать, что все зависит только от тебя. Жизнь человека, который сейчас в твоих руках, а через него жизнь его семьи и всех, кто с ним связан. Холодная голова, четкие движения, помощь сестры, которая под боком, хорошо, если есть второй хирург.

Она выходила из этой схватки победителем. И в первую очередь сама с собой. Поэтому, когда уже сама встала к столу как хирург, было легче. Лариса привыкла принимать решения. Быстро и без сомнений.

Да, были случаи, когда она не могла помочь. Но она четко знала, что в этом случае никто бы не помог. Она себя Богом никогда не считала. Скорее всего она была очень рациональной. Ясная голова не давала сердцу замирать и плакать над неудачами. «Это моя профессия. Не ныть тут надо, а дело делать».

Андрей чинил в больнице крышу. Как-то в операционной

закапало с потолка прямо во время операции. Спасибо, что не на операционный стол. И дождь-то не проливной.

– Это после зимы, забыли ведро подставить.

– То есть это у вас всегда так?

– Ну да. Так больница же старая, еще довоенная. Понятное дело, доски прогнили.

– А ремонт?

– Вот вам, москвичам, все легко. Ремонт. На ремонт деньги нужны.

Разговор шел в кабинете главврача. Мужик хороший, но безынициативный. Так определила для себя старенького врача Лариса. Как там Мордюкова говорила? «Хороший ты мужик, но не орел». А этот – так и вовсе тюфяк. Любимая фраза главного доктора была: «На нет и суда нет». Или: «Ну что ж поделаешь. И не такое переживали».

Ага, про себя добавляла Лариса: «Главное, чтобы не было войны». То есть при первой своей просьбе достать хлорки она прям так и рубанула, на фразу, про что ж поделаешь. Но в тот раз поняла, что палку перегнула. Ни к чему было вот так. Старый доктор тогда тихо ответил:

– За работу ценю, а обижать себя не позволю.

Когда Лариса поняла, что течет с крыши и больные в палатах лежат с тазиками на животах, она в очередной раз поехала в центр. К тому времени с главврачом уже помирились.

– Давай, Лариса, действуй. От меня, естественно, привет

и поклон, письмо подготовлю.

И Лариса действовала. Это для себя человеку просить сложно. Для дела всегда проще.

– Денег дадим, но по минимуму. Выкручивайтесь. Тем более у вас же там парень работает мастеровой. Он раньше всегда все чинил.

– Парень есть, я с ним уже переговорила, действительно мастеровой. Но он своими кальсонами дыры заделать не сможет. Там доски нужно менять.

– Это он тебе про кальсоны сказал?

– Это я сама сказала. Он-то как раз готов был заделывать.

– Неужели этому вас в Москве в институтах учат?

– Чему это? – прищурилась Лариса. – Правду говорить?

– По-хамски говорить.

– А где я по-хамски говорю? Может, обматерила вас? Так я могу. Но не буду. Я врач. Я людей должна лечить, и голова моя должна быть на это настроена, а не на наши с вами разговоры. И, кстати, вы же тоже живой человек. Заболеете, к кому придете?

Мужик за письменным столом поправил съехавший набок галстук, хотел матюгнуться и добавить, что к ней точно не пойдет, но прикусил язык. Про Ларису слухи уже поползли: мол, врач от Бога. Из любой ситуации вытащит.

– Да дам я тебе доски, дам. Вот ты думаешь, я из них себе сарай, что ли, строю? Что ты мне тут указываешь? У меня вон садик детский, коровник и ты. И как выбрать? Или ду-

маешь, коровам нравится все время под ветром жить? Вчера как раз Параша прибежала. Мол, болеют. Тепло им надо. И тоже знаешь как все от сердца говорила. Про душу, которая у нее вся зашла от надвигающейся беды.

– Ну беда у нее основная – пьющий муж. Небось опять с фингалом под глазом? В прошлый раз прибежала вся в слезах, на руку ей шину накладывала. А как одной рукой коров доить?

– Так это бабья доля, – крикнув, подытожил мужик. – Но мы отвлеклись с тобой. Ты вообще, Лариса Васильевна, агрессор, как я погляжу. С людьми надо по-доброму, с лаской. А ты исключительно кулаком по столу.

Лариса попыталась было еще что-то сказать, но поняла, что сейчас не стоит.

– Вот тебе направление на доску. И иди с богом.

– Спасибо. – Лариса и вправду не умела быть ласковой. Может, потому, что от матери той ласки не получила. И все же под конец не сдержалась:

– И вот, кстати, Прасковье-то вы с ее душой досок не дали!

– Иди уже подобру-поздорову. Намучается с тобой мужик.

Да, все говорили про тяжелый характер Ларисы. Ну, а как иначе? На кончиках ее инструментов человеческие судьбы. И она за них в ответе.

В райцентре не обманули, материал для починки крыши доставили достаточно быстро. Лариса тут же нашла Андрея. Дело несложное, в последнее время парень как будто бы все время был под рукой. Стечение обстоятельств?

Лариса юношу никак не отмечала. Зачем он ей? Ей важна была крыша. А он просто инструмент. Для починки. Лариса провела Андрея по палатам, показала старух послеоперационных с тазиками в руках и сказала:

– Слушай, парень, я в этом вообще ничего не понимаю. И понимать не желаю. Каждый должен делать свое дело. Но за неделю, будь добр, эту ситуацию исправь. Не приведи господь, твоя мать вот так сюда попадет.

– Так нет матери. – Андрей посмотрел на Ларису большими, какими-то воловьими глазами. Ей стало стыдно, и что-то шевельнулось в душе. Она закусила губу, но прощения просить не захотела. – Все, что от меня зависит, я сделаю. Тазиков тут больше не будет, я проверил – материала хватит. Кровля и старая пойдет, она тут на века.

Лариса думала, что разговор закончен, но парень не торопился уходить. Она вопросительно посмотрела на молодого человека и как-то даже остановила на нем взгляд. А он ведь ничего вроде. Видный. И вдруг, словно ушатом холодной воды, плеснул ей Андрей прямо в лицо:

– Но вот только ты людей не обижай. Все знают, что ты врач самый лучший. Но оставайся хорошим человеком. Одно без другого не работает.

Сказал, повернулся и ушел. Лариса задохнулась от обиды. Зачем он с ней так? Вот ведь гад! Мало того, что тыкает, еще и критикует. Она совершенно упустила из виду, что сама практически со всеми была на «ты». Она – врач. Ей можно.

Стало быть, она человек плохой? Сама не живет, вся жизнь в этой больнице и в пациентах! А от нее, значит, все сюсюканий ждут? Это что ж получается? Лариса шла по коридорам больницы, не отвечая на приветствия, чувствовала, как пылает лицо, и боялась даже подумать о том, что этот, как ей почти показалось, приятный парень прав.

Ни от кого она таких откровений никогда не слышала. Хотя от кого ей и слышать-то было? Она действительно давно не смотрела по сторонам. Заместила все работой. Ей казалось, что только так она станет настоящим специалистом. Впервые за свои двадцать восемь лет она вдруг круто задумалась и остановила мысленно свой бег.

Кое-как закончила рабочий день и пошла домой. В своем углу, который снимала у тети Раи, вдруг неожиданно расплакалась. Она даже не заметила, как сзади подошла старая женщина:

– А ты и поплачь. А то все как вроде генерал. Только шашки в руках нету. А все «махает», «махает». И на кого? Вокруг-то «человеки». А они разные. Всех повырежешь, кто

останется? К человекам – к ним ко всем нужно с поклонами. Пока нагибаешься да разгибаешься и махать перехочется. А потом разговор начать неспешный. Я на свете долго живу. Может, и сгорбилась от поклонов, но люди ко мне и с добром, и с душой. И внутри у меня всегда свет.

А к Андрею Лариса начала присматриваться. И вот ведь странно, парень постоянно попадался на пути. Или она так свои дороги теперь строила? Но работы по починке крыши постоянно перепроверяла. Закончился рабочий день, она – туда. А парень стучит своим молотком. Сначала она просто заглядывала. А в один из дней присела на досточку и засмотрелась.

Смотрела и думала о своем. Вот человек занимается делом. Настоящим делом. Он обычный плотник. Не то что она – врач. И ему до нее, как до луны, стало быть. И вроде как снисходительное у нее к нему отношение. Понятно дело, она училась семь лет. А перед этим еще в училище. И теперь всю жизнь еще учиться. А он что? Средняя школа, потом ремесленное. И матери, стало быть, нет. А может, и вообще детдом. Они – дети войны – такое пережили. Никому не приведи господь. Она изо всех сил старалась выучиться, поменять жизнь, выйти из зависимости от бедности и всем доказать. А он? Он, выходит, доказать не хотел? Почему после ремесленного в институт не пошел?

Лариса наблюдала за парнем, и разные мысли лезли в голову. И злилась на него за его красивый труд, за то, что ло-

мал в ее душе какие-то стереотипы. Но ведь с какой любовью работает мужик! Не торопясь, обдумывая. Не получает-ся, сядет, перекурит. И все смотрит, смотрит. Потом резко затушит папиросу, сплюнет и начинает работать в два раза быстрее. Ее, Ларису, как вроде и не замечает. И руки у него красивые. Большие, рабочие, но пальцы длинные, и ногти выпуклые такие. Такие руки и музыканту подошли бы.

– Хочешь, спою тебе?

– Давай. Я музыку люблю.

– А что спеть?

– А все равно.

И Лариса тихо затянула на украинском языке:

Ой, у вишневого саду, там соловейко щебетав.
До дому я просилася, а він мене все не пускав,
До дому я просилася, а він мене все не пускав.

О, милий мій, а я ж твоя, дивись, яка зійшла зоря,
Проснеться матінко моя, буде питать, де була я,
Проснеться матінко моя, буде питать, де була я.

Голос у нее был несильный, низкий, немного хрипловатый, но пела чисто и душевно. Песня была откуда-то из детства, когда мать ее еще к себе прижимала и пела на ночь. Только когда эту песню затягивала, вспоминалась та нежность матери. Давно ж это было.

Андрей работать не прекращал, но молотком своим сту-

чал тише, как вроде прислушивался. А в какой-то момент сел на своей лестнице и просто слушал.

– Ты меня прости за те слова. Сам не знаю, зачем тебе это сказал. Вижу, что в душе ты совсем другая. Что за песня? Мать научила?

Лариса сама не поняла, зачем это она так разоткровенничалась. Она порывисто встала. И только выдохнула:

– Угадал. Ну ладно, мне завтра на работу рано.

В Москву они вернулись вместе. Лариса всегда понимала, их связала та трагедия. Если бы не тот страшный день, случился бы, возможно, скоротечный роман просто потому, что так сложились звезды. Но ненадолго. А получилось – на всю жизнь.

Жизнь, непонятная для них самих, для окружающих, которые пожимали плечами, видя властную Ларису и тихого Андрея, непонятная для дочерей, текла из года в год, и при этом муж с женой все больше отдалялись друг от друга.

Может, Люба и не так вникала в суть, она всегда была занята своей персоной, а Юля постоянно разгадывала кроссворд, искала причины, в голове рисовала таблицы, куда вставляла имена героев той истории. Правда, имена все больше были вымышленными. Практичная и очень прямая мать прошлое засунула в сундук и заперла на все замки.

Всю сознательную жизнь для Юльки оставалось загадкой, зачем оба совершили этот шаг? Почему родители поженились? Кому это было надо? Матери? Да, она не была красавицей, и мужики были нарасхват, и всем не хватало. Но Лариса всю жизнь стеснялась отца, всю жизнь она жила своей жизнью. Если бы в доме был чулан, Андрей бы жил там. Тогда зачем?

Зачем это было отцу? Он так любил мать? Внешне это никак не проявлялось.

Семейная легенда гласила, что они познакомились в Тульской области, куда мать приехала по распределению после института. Понравились друг другу, поженились, вернулись в Москву вместе. По этой же легенде никогда не говорилось:

влюбились. Понравились. Ну, значит, так. Скорее всего отца перемолола Москва. Не выдержал, сломался, не его это была жизнь. А ведь, между прочим, красивый мужик. И на три года моложе матери.

То, что отец интересный внешне, Юля обнаружила совсем недавно, разбирая семейные фотографии. Вот они недавно познакомились. Оба улыбаются. Отец высокий, широкоплечий, белозубая улыбка, широкие скулы, открытый лоб. Волосы зачесаны назад, выбритые виски открывали правильный череп и красивые уши. На фотографии он слегка повернул голову и нежно смотрел на мать. Лариса еле-еле доставала ему до плеча. Небольшого роста, крепко сбитая, плотные руки и ноги, шарфик на плечах, белые носочки и туфли с перепонкой. Нос картошкой, очки в роговой оправе. Она тоже улыбалась, но взгляд устремлен в небо.

Совершенно разные внешне, они и по жизни шли разными путями, никак не пересекаясь. Иногда Юльке казалось, что если бы кто-то из них сейчас уехал, то другой даже и не заметил бы.

Девочкой она рано поняла эту особенность их семьи и страшно переживала. Она видела, как у других. У подружки Верочки родители – заядлые туристы, постоянно или путешествовали, или к этим путешествиям готовились. Всю зиму вместе ползали по карте, расстелив ее на полу, выбирали маршруты, составляли списки:

– Так, палатка еще выдержит, а вот коврики нужно купить

НОВЫЕ.

– И котелок.

– А сковородка?

– Это нормально.

– Про сетки москитные не забудьте, вспомните, как нас покусали в прошлом году.

– Это обязательно.

Эти разговоры «ни о чем» были для Юльки какой-то непонятной и красивой песней. Вместе. И все планы вместе. У нее в семье все совсем не так. И совершенной неожиданностью для нее было, когда Верочка однажды вдруг сказала:

– Эх, завидую я тебе, вон у тебя мама какая!

– Какая?!

– Врач! Да еще и хирург!

Имя Ларисы прогремело, когда их учительница по истории попала в больницу с аппендицитом. Случай был сложным, начался перитонит. И постоянно звучали потом слова «чудом выкарабкалась», «золотые руки хирурга», «еще бы немного, и не выжила».

Прямо на уроке историчка рассказала всему классу, какой замечательный доктор Лариса Васильевна Муравьева. И как повезло Юле.

– Ты ведь тоже хочешь стать врачом?

– Нет, – смутилась Юля. Они тогда заканчивали девятый класс, все уже практически определились. И она думала обо всем, только не о профессии врача. Она того врача видела

дома. Властную, вечно раздраженную, уставшую, не замечающую тихого отца.

– Как это странно. Мне кажется, что в этом случае династия просто обязана продолжиться. Твоя мама из семьи врачей?

– Нет... – Юлька опять покраснела. – То есть да, бабушка была медсестрой. Но это случайность. Во время войны ей непросто пришлось. Другого выхода не было. И маме хотелось сделать приятное своей маме, она видела тяжелый труд медсестры, хотя труд врача еще тяжелее. Теперь-то она это понимает. И мы понимаем, – уже совсем тихо добавила она.

– А папа твой кем работает?

– Он столяр. На мебельной фабрике. – К своему стыду, произносить это было не совсем удобно. Да, отец ведь никого не спасал, про него статью в газету не напишешь.

Надо отдать должное историчке:

– Прекрасная профессия. Человек что-то делает своими руками. Это очень важно. Ребята, мы с вами живем в прекрасной стране. Перед вами открыты все пути. И на самом деле... – Она подошла к Юле. – Садись, Муравьева, еще раз передай маме привет и огромное спасибо. Папе тоже передай привет. – Она улыбнулась девочке и погладила Юлю по плечу. – Пора вам, мои дорогие, задуматься, куда вы хотите поступать. Это в детском саду и в начальной школе вы хотели летать в космос и танцевать в Большом театре. И, кстати, почему нет. В нашей стране возможно все. Только заниматься

этим нужно было уже в детстве. Сегодня все очень конкретно. Пожарные и космонавты остались в прошлом. Верочка, ты куда?

– Вы же знаете, я, как вы, на исторический.

– Юля, а ты определилась?

– Не знаю, что-нибудь с цифрами. Хочу заниматься ЭВМ.

Ребята присвистнули и посмотрели на Юльку с уважением.

А Юлька подумала, вот у Верочки ее профессию опять же выбирали и утверждали на домашнем совете. С ней же никто никаких разговоров на эту тему не вел. «Как решишь, так и будет, – как-то изрекла мать. – Это твоя жизнь».

В компании, где работала Юля, у каждого были четкие обязанности. И, как правило, каждый еще и выполнял две рабочие функции. Жесткое лицо капитализма. Надо отдать должное Главному, хоть и выжимал он все соки из сотрудников, зарплаты тоже платил достойные.

Ира скорее была исключением из правил. Ну ошиблись при приеме на работу. Девушка не только улыбалась и красиво поправляла волосы на собеседовании, она еще рассказывала про юридический институт и про то, как важно, чтобы секретарь знал все юридические аспекты сделок.

– А вы знаете?

– Даже если я что и не знаю, согласитесь, человек знать всего не может.

– Ну да, ну да.

– Я могу быстро найти, где посмотреть.

– Вот! Это действительно важно.

Грязев тогда победно посмотрел на Маточкина. Николай Федорович рисовал чертиков, не поднимая глаз.

– А что это за институт? Я про такой и не слышал никогда.

– А это ответвление. Да. От юридической академии.

– Платный?

– А сейчас почти все платное.

– Ну я не знаю.

Грязев понял, что пора вмешаться.

– Ну все, девушка, вы идите. Мы вам позвоним.

А Маточкину сказал:

– Возьмем. Пусть настроение поднимает.

И с этим заданием Ира справлялась отменно. Особенно когда ей перестали что-то поручать.

– Я слышала, на Новый год у нас что-то итальянское ожидается? У меня как раз солнечные очки итальянские. Все упадут!

– Ну для Нового года в самый раз. – Юля еще раз подивилась ходу мыслей Иры.

– Ты не понимаешь! Италия – это мода!

– Где уж нам.

Но по большому счету Ира ведь права. Своими очками она еще раз подтолкнула Юлю к мысли о правильности принятого решения. Итальянская вечеринка – это про многое. В голове она уже рисовала схему праздника.

Юля всегда считала Италию самой важной страной в истории человечества. Италию и Грецию. С ней соглашались все ученые и историки. Или наоборот? Не важно. Вся культура, вся наука и вообще нормальные и цивилизованные люди – выходцы из этих двух миров.

Но как построить итальянскую вечеринку, чтобы было обо всем понемногу? Юля решила в первую очередь опираться на итальянский язык. Его еще можно было соединить

с музыкой. Тут тебе и народные неаполитанские песни, и великие композиторы, которых целая армия во главе с полководцем Верди, и Челентано, естественно! Ну и, конечно же, макароны. Ну как можно говорить о макаронниках без макарон? Да, про очки. То есть про моду. Тоже со счетов не списываем. Юля добавила в схему праздника еще один квадратик.

Тем было так много, что тут главное было не закопаться, не заиграться, а сделать все «ненапряжно», интересно и чтобы все приняли участие. Как привязать сюда моду? Можно, к примеру, посоветовать всем прийти в чем-то модном. Но что-то нужно все же взять за основу. Итальянский язык? Или все же макароны? В магазин нужно заглянуть. Посмотреть, что там у нас продают. И есть ли итальянские макароны, чтобы прямо настоящие. А может, кого позвать? Ой нет, шеф же против аниматоров. Значит, самой. Будем петь песни Челентано и угадывать сцены из любимого кино «Укрощение строптивого». Или все же пригласить специалиста? Нет, не профессионального ведущего. У Юли в голове возник план. Вырисовывалось очень даже симпатично.

В обеденный перерыв она все же набрала номер Любы. Вроде и пыталась приказать себе не думать: сами разберутся, в конце концов, это не ее жизнь. Но как не ее? Это сестра. И она у нее одна. И есть родители, которые очень любят Любу. Да. Наверное, это ее долг. И даже не так. Скорее по-

требность.

Голос сестрицы ей показался тусклым. И сразу сердце ухнуло в пятки:

– Что там у вас?

– У нас как обычно. Думаю, зачем я вышла замуж за этого идиота.

У Любы все похолодело внутри. Квартира. Не дай бог.

– Мне заехать после работы?

– Давай. Ты же у нас самая умная. Вот и разбирайся.

Юля практически хлопнула трубкой об аппарат. Ну что за черт побори? Почему сестра с ней все время так разговаривает? И почему Юля должна оправдываться? По всем поводам. Что не толстая, что устроилась на хорошую работу, что нет мужа-идиота. Она постаралась выбросить из головы неприятный разговор. Вечером все станет яснее.

Люба с Кириллом ссорились постоянно. Причем в глаза друг другу бросали такое, что, по мнению Юли, все мосты сжигались сразу. После таких высказываний невозможно было даже находиться в одной комнате, не говоря уже про кровать. И как же ей было удивительно, что через какое-то, очень непродолжительное, время они уже вместе хохотали, лузгали семечки и смотрели развлекательные программы по телику, запивая пивом. А она, в очередной раз став невольной свидетельницей ужасной ссоры, переживала, пыталась найти пути к примирению, выстраивала в голове цепочки и

рисовала схемы. С кем она будет говорить сначала, с кем после? И кто все же виноват в этих постоянных конфликтах. Ночь не спала, на следующей день мчалась к сестре с планом примирения и заставляла картину мирной идиллии.

Господи, как же так сложилось? Почему ее семья не похожа на другие? Что в них не так? Может, виной тому родители, которые живут как чужие? Они вообще могут неделями не разговаривать, просто потребности такой нет. Может быть, отсюда не складываются судьбы дочерей? Одна постоянно собачится с мужем, да так, что соседи стучат по батарее, а сама Юля и вовсе не может найти себе спутника в жизни. Как только кто-то появляется на горизонте, она тут же закрывается в своей скорлупе на все замки. Ей это неинтересно, ее это никак не трогает.

Юля попыталась сосредоточиться на своих графиках. Еще и корпоратив этот, будь он неладен.

Ресторан «Романтика Рима» находился в тихом московском дворике. Юлия предварительно позвонила, удостоверилась, что шеф-повар действительно самый настоящий итальянец, и попросила о встрече.

– Вы хотите заказать столик?

– Столик – это обязательно. Но я еще хочу поговорить с Марко Росси.

– Это не проблема. Поговорить вы с ним всегда сможете. Марко обязательно выходит к гостям, так заведено.

– Но у меня к вашему шеф-повару деловое предложение. Мог бы он мне уделить минут десять?

– Судя по вашему голосу, вы – молодая девушка. Как истинный итальянец, сеньор Росси вам уделит даже минут двадцать. Приходите, например, к часу. Основная готовка идет с одиннадцати до половины первого, тут уж Росси не выйдет, даже если приедут Мадонна или папа римский. Он должен собственноручно убедиться, что все заготовки сделаны идеально.

– А если я приду с утра?

– С утра сеньор Росси занимается закупкой продуктов.

– Что, каждый день?

– Ну вы же каждый день едите.

– Ну лично я закупая продукты раз в две недели.

– Поэтому у вас нет собственного ресторана.
– Ну да, ну да. А если вечером, после семи?
– Да, конечно. Но поговорить вам уже не удастся. У Марко в Москве огромное количество друзей. Как только он появляется в дверях кухни, тут же все хотят, чтобы он присел к их столику. То есть вы сами, конечно, смотрите и думайте. Но если вам нужно пообщаться, вы же, наверное, хотите уроки у него брать, то лучше уж все же как я сказала. Где-то в час или в половину второго.

Итальянский ресторан в центре Москвы. Как быстро изменилась жизнь. Юля помнила, как открылся первый «Макдоналдс» на Пушкинской, и всех уверяли, что в этом заведении не бывает очередей. Как бы не так, не знаете вы любознательных москвичей. Очередь стояла на всем Тверском бульваре. Юля делала вид, что ей все равно и этот «Макдоналдс» ее никак не интересуется. Но сбежала с работы и честно встала в конец очереди.

Хмурый день, сумрачные столичные жители целеустремленно стояли в шеренгу друг за другом. А что, нам не привыкать. По четыре часа за сапогами в ЦУМе стояли, а тут всего-то сорок минут. Еда была заморская, не очень понятная, но вроде как божественно вкусная. Чем? Да новизной! А больше ничем. И названиями. Все эти бургеры, фри. Это ж только выговори!

Следом пошли пиццерии. И все потянулись туда. Никто

не знал, на каком слогe нужно делать ударение, но не суть важно. Главное, это чтоб корж был высоким. Рестораторы поняли сразу: вот эту хрустящую и тонкую корочку нам не надо. Мы привыкли к буханке хлеба. Ну и уж вали сверху все, что у тебя есть. Было непривычно, необычно, а еще модно. О! Мы сегодня обедаем в пиццерии. Или в гамбургерной.

Но, по большому счету, мы таких бутербродов и пицц и сами накрутить можем. Ясное дело, обозвать так красиво у нас не получится. Чего нет, того нет. Но повара заправские в каждой семье найдутся. Особенно когда в холодильнике только топор, а гости уже на пороге. И вот надо же, в Москве не просто рестораны практически любой кухни, еще и с иностранными поварами.

Юля смело толкнула дверь.

– Добрый день, я вам звонила, я – Юлия Муравьева, мне нужно встретиться с господином Марко Росси.

Милая девушка улыбнулась, забрала у Юли пальто:

– Да, я помню. Проходите. Вот там, столик у окна. Я сейчас позову Марко.

Юля прошла в уютный зал. Стены персикового цвета, на стенах черно-белые фотографии с видами Рима и с любимыми Софи Лорен и Марчелло Мاستроянни. Юля не сразу села за столик, а прошла по залу, рассматривая старые фото. Вот велосипед на переднем плане, и сразу появляется какая-то легкость, романтика, предчувствие любви. Взгляды

на фотографии уже кажутся многообещающими, и юбка колыхнется как-то по-особенному, и взмах рукой необычайно трепетный. Фотографы про это знают? Или это случайность такая? От мыслей отвлекла уже знакомая девушка-администратор.

– Вы что-нибудь закажете? Сеньор Росси знает, что вы его ждете. Он просил извиниться, ему нужно еще буквально десять минут. Если вы уже обедали, то он с вами с удовольствием попьет кофе с нашими фирменными конфетами домашнего приготовления. Это все по его рецептам. А сейчас я бы советовала вам перекусить фокаччей. Есть с сыром и розмарином.

– Да, конечно, спасибо!

Администратор позвал официанта. Парень в бежевом костюме, коричневом фартуке и коричневой косынке, завязанной, как пионерский галстук на шее (как все это мило гармонировало с цветом стен), неслышно подошел, быстро убрал приборы:

– Фокачку я сейчас подам. Только из печи вынули. Может быть, воду? Или бокал вина?

– А давайте бокал вина! Да! Бокал белого вина. На ваш вкус! – Юля так ужасно волновалась, что решила – вино сегодня точно будет кстати.

Марко Росси вышел из кухни в тот момент, когда Юля доедала последний кусочек фокаччи. Она увидела повара и

слегка поперхнулась. Хлебные крошки попали не в то горло, девушка закашлялась, тут же подбежал официант и начал достаточно сильно хлопать ее по спине.

– Ноу! Ноу! Встаньте! Руки поднимите! Вот так!

Для пущей правды Марко встал рядом и поднял обе руки, соединив их ладонями.

– Ой, господи, как неловко! Я немного вас по-другому представляла.

Повар весело рассмеялся:

– Толстым и лысым? А нет, вы говорите – с пузом?

– Пузатым!

– Да, да, си! Пузатым!

– Вы много видели пузатых итальянцев?

– Я их вообще мало видела.

– Итальянцы вообще-то с хорошими фигурами. Правда. – Марко немного покрутил руками. – У мужчин прибавка в весе бывает. Да. То правда. И они никогда не пойдут в спортзал. Как у вас тут. Нет! Они купят себе брюки на размер больше. – И Марко опять заразительно расхохотался.

Юля перестала кашлять и наконец пришла в себя. Она действительно не ожидала увидеть повара таким. Он больше походил на полководца, чем на повара. Ну да. Марк же! Что в переводе воинственный. Как Красс.

– Марк Летиций Красс, – она произнесла это неосознанно.

– О! Вы читали Джованьоли? Но там не все правда. Вы знаете, да? Марк Красс погиб в бою, это естественно, но не в

схватке со Спартакoм. Емy уже было за шестьдесят. Он уже не был мощным и красивым. Но все такой же жадный и воинственный. Он воевал, я могу ошибаться, за Сирию. И там, конечно же, все было очень вероломно. Его предали. Да, и он погиб в схватке. Он уже был не первый. Емy отрезали голову и руку. И потом... – Марко остановился, чтоб проверить, достаточно ли внимательно его слушала Юля. – И потом емy еще в рот вливали горячее золото. Завоеватели не могли простить емy его алчности. Да. Вот так. А Спартак, да. Великий гладиатор. О! Я вас заговорил. Мы итальянцы очень много говорим.

Он вскочил с места.

– Марко Росси. Шеф-повар этого ресторана. Я совсем не воинственный. Я очень добрый. Можете спросить у моих коллег. Саша, я ведь добрый?

Официант подбежал немедленно.

– Ну, если мы не напортачим.

Марко опять расхохотался.

– Как я люблю русский язык. Напортачим. Вот как я должен был его учить? Вот как?! Святая мадонна. Да! А вы? Милая девушка с лицом Софи Лорен? Вы знаете, что похожи на Софи Лорен? Вам об этом никто не говорил? Какие странные эти русские мужчины. Святая мадонна. Ну ладно. Об этом потом. Итак? Кто вы и зачем вам Марко со своим рестораном?

Юля прокашлялась. Но Марко опять не дал ей вставить

СЛОВО:

– Уно моменто! Все-таки эспresso. Саша, пожалуйста, два эспresso. Или ристретто? Это то же самое, только меньше воды. Думаю, все же эспresso, и вы попробуете мои конфеты. Я их делаю сам. И не говорите мне, что хотели капучино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.